

СО ВСЕМ УВАЖЕНИЕМ
ПРИГЛАШАЕМ ВАС ПОСЕТИТЬ
127-Й

БАЛ ДЕБЮТАНТОВ

устраиваемый
Обществом чародеев
В ОСОБНЯКЕ СТРАТТОНОВ

5-Я АВЕНЮ,
НЬЮ-ЙОРК,
ВЕЧЕР СУББОТЫ,
24 ЯНВАРЯ 1880 ГОДА.

Передавать это приглашение третьим лицам
запрещается под страхом смерти.

Пролог

Две девочки пришли на волшебный бал, и одну из них больше никто не видел.

За несколько месяцев до этого они получили приглашения, на которых блестели завитки вечно влажных чернил. Девочки прятали приглашения под половицами и разглядывали их лишь поздно ночью, когда вечный гам многоквартирного дома стихал до полусонного шепота. Доставать их днем было слишком опасно.

Но предстоящий бал полностью завладел их мыслями.

Надо упражняться в магии, настаивала Эмми. Чтобы добиться вступления в таинственное Общество чародеев, необходимо отточить свои редкие магические таланты.

Надо упражняться в танцах, возражала Грейс. Они ничего не добьются, если члены Общества не сочтут их достаточно утонченными юными леди, достойными партиями для своих красавцев-сыновей.

Чары или этикет? Магические законы или светские? Этот давний спор длился с тех самых времен, когда каждая из них обнаружила, что соседская девочка тоже умеет колдовать. Они делили древнейшую, священнейшую тайну в мире.

И они всегда были вместе.

Существование магии стало для девочек незримым щитом, оберегавшим их от скучного мира шитья и уроков, которые они терпели вместе. Они делились друг с другом всеми мыслями. Всеми мечтами. Когда мать Грейс неделями пропадала в пивнушках, Грейс, не говоря ни слова, приходила в квартиру Эмми. И даже когда отвратительная женщина приползала домой, отец Эмми все равно оставлял для Грейс место за кухонным столом — а также место на его уроках магии при свечах. Он часто говорил, что по крови у него есть одна дочь, а по сердцу — сразу две.

И вот, пока зимние ночи становились холоднее, а время бала все приближалось, Эмми тренировалась дольше терпеть удушающий вес магии. Грейс же подружилась с девочкой, умеющей зачаровывать ткань, и упросила ее сшить два платья. Эмми пыталась преобразовать дешевые металлы в чистое золото, а Грейс работала над осанкой, удерживая на голове ее книги.

Эмми мечтала утолить свою жажду магических познаний. Получить ответы.

Грейс мечтала никогда больше не голодать.

Перед балом Эмми и Грейс надели плащи поверх платьев и поспешили к роскошной карете, запряженной лошадьми. Если бы кто-то из соседей пригляделся получше, то смог бы различить полупрозрачные облачка, плывущие по подолу Эмми, и вихрь снежинок на подоле Грейс. Настоящие волшебные платья, прямо как в сказках из книг Эмми.

Джимми Ли, самый высокий и красивый парень в их доме, подал Эмми руку, когда она чуть не упала с подножки кареты под непривычным весом бального платья. Соседи широко улыбались отцу Эмми: благодаря его таланту целителя многие из них сумели сохранить работу, а значит, спастись от нищеты. Даже не зная о существовании магии, они понимали, что он способен творить чудеса, и любили его за это.

Под цокот лошадиных копыт Эмми потеряла руку, до которой дотронулся Джимми, и несколько приуныла. По правде говоря,

девочки мало что знали про Общество чародеев — только то, что рассказывал отец Грейс, когда изредка ее навещал. Явиться на бал значило принять судьбу: либо стать прислугой Общества, например горничной, что ветром выдувает пыль из огромного особняка, или садовником, благодаря которому розы цветут круглый год; либо же добиться звания протеже — чародея скромного происхождения, но выдающихся способностей, заслужившего покровительство знатных семей Общества и вступившего в их ряды.

Отец Грейс с гордостью провозгласил, что у них обеих есть все необходимое, чтобы стать протеже. Эмми считала, что он имел в виду их необычные магические таланты. Грейс думала, что все дело в их красоте. Ее отец умер, и они не успели его расспросить. Но два года спустя они получили приглашения, как он и обещал.

У девочек был только один шанс проявить себя.

Если Общество сочтет их достойными, то сегодняшний бал станет лишь одним из многих. Именно об этом они мечтали: Эмми будет целыми днями пропадать в библиотеке в окружении древних магических текстов, пока ее не вытащит оттуда Грейс, шкафы которой будут ломиться от модных нарядов, купленных на щедрую стипендию. Наставники помогут им развить свои таланты до невиданных высот и стать ценными и уважаемыми членами Общества. Какие чудесные деликатесы их ждут! Музыка, танцы, зрелища и спектакли. И хотя Эмми поклялась, что будет часто навещать папу и развлекать его рассказами о высшем свете, Грейс заявила, что ноги ее больше не будут к югу от замызанной Хьюстон-стрит.

Обветшалые многоквартирные дома за окном кареты сменились элегантными особняками. Улицы стали тише, бархатистое небо больше не заслоняли клубы дыма из труб, бельевые веревки и телеграфные провода. Эмми взгляделась в едва проступившие звезды, и на нее вдруг снизошло неземное спокойствие, хотя

Грейс дрожала в приступе тревоги. Они обе обладали уникальными талантами, которые наверняка выделяют их в толпе дебютантов, владеющих лишь обыденной стихийной магией. А в этих умопомрачительных нарядах они куда больше походили на приличных юных леди, чем на будущих горничных. Кроме того, они учились и практиковались, сколько Эмми себя помнила. Они были готовы.

Спокойствие сопровождало Эмми, когда они подошли к роскошному особняку с торца и охранники в масках и жемчужно-белых мундирах, на фоне которых отчетливо выделялись темные револьверы, торопливо провели их через потайную дверь. Когда они вошли в великолепный балльный зал, где их немедленно разделили с папой. Когда они смотрели, как другие дебютанты, такие же растерянные шестнадцатилетние юноши и девушки, демонстрируют свои магические таланты. Призыв дождя. Управление ветром. Удивительнее всех оказался дар рыжеволосой девочки, которая исчезла со сцены, сделавшись невидимой.

Зрелище вызывало трепет, но щеки у Эмми болели от улыбки. До сегодняшнего дня ей доводилось видеть лишь колдовство Грейс и папы. Ей еще столько предстояло узнать, столько понять о том, как работает магия. Откуда она берется. Почему с ней рождаются лишь немногие. И хотя Эмми аплодировала каждому дебютанту, в глубине души она знала, что ее талант легко затмит их.

Грейс тоже это знала. Даже слишком хорошо.

Когда пришла ее очередь, Эмми поднялась на сцену и повернулась к толпе незнакомцев в масках — Обществу чародеев. По мнению Грейс, в его тайных рядах состояли самые богатые, самые влиятельные жители Нью-Йорка. Глаза за белыми масками казались ледяными, но Эмми смотрела лишь на папу, который стоял позади вместе с родителями других дебютантов.

Эмми продемонстрировала собравшимся простого игрушечного солдатика. Когда все убедились, что он не представляет из себя ничего особенного, она сжала солдатика в кулак и, глубоко вдохнув, пробудила свою силу.

Та немедленно откликнулась на зов, и в воздухе повис холодный невидимый туман, всегда сопровождавший магию. Эмми вдохнула его, и тяжесть расплзлась по ее мышцам, вскоре задрожавшим от напряжения. Она мысленно сосредоточилась на солдате, сжатом в руке. Олово, олово, алюминий. Олово, олово, алюминий. Тяжело выдохнув, Эмми толкнула магию внутрь фигурки, делая металл плотнее. Насыщеннее. Делая его таким же блестящим, как золотые локоны Грейс под солнечным светом. Таким же сильным, как папины руки, когда он клал кирпич. Таким же мягким, как его поцелуй в лоб перед уходом на смену.

Рискованная затея — проводить трансформацию, которую она освоила всего несколько дней назад, но думать о провале было нельзя. Металл в руке стал теплым и влажным. Эмми заставила золото затвердеть — это обязано быть золото, не кусок простого металла, не позолоченное олово.

Когда ее силы иссякли, Эмми отпустила магию и разжала кулак.

Под огоньками свечей сверкал золотой самородок. Да, неправильной формы, но зато блестящий и без примесей.

На дрожащих ногах Эмми пересекла сцену и положила золото на стол, за которым сидели трое мужчин. Триумвират, говорила про них Грейс. Председатели Общества чародеев.

Они схватили созданный ею кусок золота и принялись изучать его со всех сторон, пока Эмми пыталась перевести дыхание. Она не видела их лиц, но в глазах у них светился явный интерес.

Один за другим члены триумvirата поднялись на ноги, пристально глядя на Эмми.

Один за другим они начали аплодировать.

Зрители вскочили и разразились такими оглушительными восклицаниями, что сцена завибрировала у нее под ногами. Папина улыбка сияла той же самой гордостью, что переполняла сердце Эмми. Она чуть было не утонула в собственном счастье, в ни с чем не сравнимом удовлетворении от победы. Ей удалось покорить Общество чародеев, превратив невзрачный металл в чистое золото.

Эмми так торжествовала, что не заметила мальчишку в смокинге, сидевшего в первом ряду. Он смотрел на нее с каким-то непостижимым узнаванием. Глаза у него были серые, как пелена дождя, а рот чуть приоткрылся от удивления.

Эмми так торжествовала, что не заметила, как натянуто улыбалась Грейс, когда они обнялись у сцены. Не заметила, как дрожали руки Грейс, когда та продемонстрировала собственный редкий талант — наплатила шелковую перчатку магией выступавшей ранее рыжеволосой девочки так, что каждый, надевший перчатку, сам становился невидимым. Передача магии, называл этот дар ее отец. Способность наделять предметы чужой магией.

Когда стоячая овация после ее выступления подошла к концу — чуть менее бурная, чем после выступления Эмми, хотя они обе притворились, что ничего не заметили, — Грейс устремила взгляд на самую старую, самую близкую подругу. Она смотрела, не отводя голубых, широко распахнутых в детском изумлении глаз, когда триумвират вновь позвал Эмми на сцену.

Затаив дыхание, Грейс наблюдала, как Эмми обвинили в фальшивом колдовстве.

Как та попыталась вновь сотворить золото, но магия почему-то ей не подчинилась.

Как стражники распороли ее наряд сверху донизу.

Как из подола выпал пирит, внешне напоминающий золото, вшитый внутрь по просьбе Грейс ее новой подругой, портницей-волшебницей.

Как Эмми приговорили к заключению в тайной тюрьме Общества.

Как ее любящего отца застрелили, будто бешеного пса, когда он попытался вмешаться.

Две девочки пришли на волшебный бал, и одну из них больше никто не видел.

По крайней мере, на это надеялась та, что предала ее.

Эмми Валлильо прекрасно научилась кричать.

Не обращая внимания на режущую боль в горле, она стояла перед железной дверью и вопила. «До кровоизлияния в голосовые связки», — как сказал бы папа. Иногда она представляла, что он сидит в углу ее камеры, склонившись над любимым пособием по анатомии. Чем дольше Эмми находилась в башне Гримсбейн, тем меньше верила собственным глазам. Да и ушам тоже. И сердцу.

Ох уж это ее жалкое, наивное сердце.

Эмми закричала еще громче, и по коже прокатился приятный жар. Рано или поздно стражники всегда начинали угрожать, что заткнут ее побоями. Пустые слова. Они никогда не заходили в ее камеру. Ни разу за все восемьсот двадцать восемь дней.

Но, по крайней мере, они с ней заговорят. А большего ей и не требовалось.

Стоило ей об этом подумать, как стражник с лязгом отпер замок на металлической заслонке в центре двери. Эмми не без труда подавила восторг. Стражники не любили, когда она улыбалась.

Заслонка приоткрылась. Снаружи маячило вытянутое лицо стражника, напоминавшее конскую морду.

— Принцесса, ты тупая как пробка.

Они обожали насмехаться над ее изорванным бальным платьем. Как будто ей было во что переодеться. Но все же за эти два года платье сослужило ей неплохую службу, заменяя и подушку, и матрас. И пусть вышитые облака больше не блуждали по атласу цвета слоновой кости, они каждый день напоминали Эмми о ее глупости.

«Настоящее платье весит как целая лошадь, — пошутила Грейс, когда Эмми пожаловалась на неудобный наряд. — Это подарок от милой Клары Клэрмонт, которая умеет вышивать движущиеся узоры».

Вранье. Ничего не достается просто так. Клэрмонт была вовсе не милой. И ни одно платье не весило как лошадь. Если только в его подол не зашили куски пирита.

— Принесите мне книгу, — прохрипела Эмми, — и я больше не издам ни звука.

Из Гримсбейна было не сбежать. Ее не выпускали из камеры ни на минуту. Но сегодня она намеревалась заполучить хоть какое-то развлечение. Любой ценой.

— Сколько раз повторять? Тебя никто не слышит. — Привычно ослабившись, стражник с лошадиным лицом похлопал по каменной стене. — Ни один звук не проникает ни внутрь, ни наружу.

Так они утверждали. И в этом была доля правды. До Эмми не доносились даже шаги стражников, не говоря уже о звуках из других камер. Она слышала хоть что-то только в те моменты, когда стражники открывали заслонку на двери. Но отголосок ее криков, должно быть, пробивался через заколдованные стены, иначе никто не приходил бы ее затыкать.

— Принесите газету. Рекламную листовку. Хоть что-нибудь. Стражник равнодушно пялился, будто не слыша ее.

Поначалу Эмми пыталась что-то им объяснить, день и ночь твердила, что она ни в чем не виновата, кричала, что она, Эмилия Валлильо, никакая не лгуня. Что она владеет редким даром трансформации. Что ей даже без покровительства удалось научиться превращать воду в вино, изъеденный молью хлопок — в плотную шерсть, а хрупкое олово — в самое настоящее золото. Что ее подставили.

Они потребовали от Эмми демонстрации, прекрасно зная, что у нее ничего не выйдет. Потому что она лишилась магии. С того момента, как она попыталась доказать свою невиновность на проклятом балу, ее дар ни разу не откликнулся. А вот у стражников с магией все было в порядке. На прошлой неделе стражник с лошадиным лицом вызвал ветер у нее в камере, осыпав Эмми грязью и камнями.

— Знаешь, — внезапно сказал стражник, — пожалуй, я принесу тебе кое-что особенное.

Эмми в это совсем не верила, но заслонка резко опустилась, и камера вновь погрузилась в непроницаемую тишину. Почти всю свою жизнь девушка провела в многоквартирном доме, где жильцы днями напролет галдели на множестве языков, — папа в шутку называл его Вавилонской башней. Теперь же она оказалась погружена в абсолютное безмолвие, в котором ей мерещился низкий голос, шепчущий: «Потерпи, осталось недолго». Эмми представляла, будто это папа. Но папа умер — точнее, его убили. Убил негодяй, назвавший ее мошенницей.

Судорожно втянув в себя затхлый воздух, Эмми съежилась у любимой стены — той, что была самую малость теплее остальных. Слабый солнечный свет едва проникал через крохотное овальное оконце напротив двери, слишком узкое и высоко расположенное, чтобы в него протиснуться. На свету можно было разглядеть неглубокие отметины, которые Эмми выцарапывала на стенах. Неровные линии, изводившие ее своей

многочисленностью. Семь сотен. Восемь сотен. Все больше и больше. Эмми старалась не вспоминать о дате — 30 апреля 1882 года, — но разум то и дело подкидывал ей эту мучительную мысль. Вместе с мыслями о том, чем может заниматься Грейс в славный весенний день. Какую магию изучать. На каких вечеринках веселиться.

Тягостнее всего было ждать возвращения стражника. Обычно каждый час в камере казался ей годом. Но теперь, в томительном ожидании, день будто растянулся на целое столетие. Тени всё удлинялись, пока камера не погрузилась во тьму целиком. Первые несколько месяцев Эмми дрожала, страдая без света, но сейчас темнота ее даже успокаивала. Долгим ночам было ее не сломить.

Минула вечность, прежде чем заслонка скрипнула вновь. Не в силах сдержаться, Эмми подбежала к двери и тут же прикрыла ладонью глаза от слепящего света из коридора.

— Проголодалась, принцесса? — проворковал стражник с лошадиным лицом. Из-за его спины раздался женский смех, и Эмми напряглась. Двое стражников — это плохо. Может, они снова спрятали в похлебке гниющую крысу. А может, когда она потянется за миской, стражница плеснет в нее водной магией.

И все же к ней редко приходили двое стражников сразу. Эмми не собиралась упустить такую возможность.

Приблизившись, она учуяла резкую вонь мочи. Они справили нужду в ее ужин. Как остроумно.

— Давай, принцесса. — Стражница ухмыльнулась. Эмми с притворным интересом посмотрела на серую похлебку, которой питалась последние два года. — Даже бешеной собаке нужно есть, не так ли?

— Мы ее подогрели. — Стражник просунул вонючую миску поглубже в камеру. Обычно они не решались так делать, но в этот раз проделка придала им безрассудства.

Эмми впилась зубами в его толстую руку.

Стражник завопил и задергался, но Эмми еще сильнее сжала челюсти. Он орал, словно дикий зверь, но настоящим зверем была она. Не стоило ему совать руку в собачью клетку.

Когда он наконец освободился, Эмми рассмеялась.

На нее порой находили приступы безумного, неистового хохота. Сейчас не стоило терять над собой контроль, ведь стражникам было совсем не весело. Но все же с ее потрескавшихся губ невольно срывались смешки. Стражница тем временем просунула руку в окошко и напряглась, призывая магию.

Водный поток ударил Эмми в лицо, подобно кастету. Она бросилась в сторону, но стражница повернула руку, обливая Эмми с ног до головы, пока мокрый шелк не облепил ее худые конечности.

Теперь уже засмеялись стражники. Эмми зыркнула на них, содрогаясь от холода, но не желая...

Раздался оглушительный грохот. Со стен посыпалась пыль.

Эмми замерла, позабыв о дрожи.

Стражники поспешили прочь. Заслонка на двери захлопнулась. Эмми метнулась к ней — в кои-то веки они забыли ее запереть. Прижавшись лбом к холодному металлу, Эмми оглядела коридор.

И тут о дверь ее камеры ударилось тело стражника.

Эмми отшатнулась, отпустив заслонку, но потом приподняла ее вновь.

Стражник лежал на полу, и его шея была изогнута под неестественным углом. Он был мертв.

Эмми заморгала, пытаясь отогнать наваждение. Но стражник остался лежать, безвольно откинув в сторону укушенную конечность.

В поле зрения появилась стражница. Она пятилась, подняв перед собой руки.

— Погоди, Фонтейн...

Темная фигура бросилась к ней и свернула ей шею.

Звук напоминал хруст костяшек пальцев, только куда громче.

Эмми, должно быть, ахнула, потому что темная фигура резко развернулась к ней. Эмми отдернула руку, отпуская заслонку, и осталась в темноте. Сердце громко колотилось у нее в ушах. Она ждала.

Заслонка открылась вновь, а за ней показалась пара серых, как дождь, глаз.

Эмми уставилась на мужчину за дверью. Темные спутанные волосы. Кожа, давно не видевшая солнца, совсем как у нее. Молодое, но истощавшее лицо, словно он успел прожить сотню мучительных жизней.

Еще один заключенный, который за несколько секунд убил двух стражников и даже не запыхался. И сильнее всего пугал его пристальный взгляд, в котором читалось нечто большее, чем простое любопытство. Он посмотрел на ее рваное бальное платье, тощую фигуру, грязное, некогда привлекательное лицо и рассмеялся.

Эмми попятилась к дальней стене камеры, не выпуская безумца из виду. Его смех резко оборвался, и он толкнул дверь, будто проверяя ее на прочность.

— Только сунься, — прохрипела Эмми сдавленным голосом, — и я тебе руки оторву.

Он склонил голову набок, словно ястреб, приглядывающийся к мыши.

— Ты разве не хочешь, чтобы я выпустил тебя на свободу?

«Свобода». Может, ему и впрямь было под силу отпереть дверь ее камеры, но ее слишком пугал его взгляд. Эмми вспомнился старый уличный кот, поймавший как-то раз крысу и всюду таскавший ее с собой, не выпуская даже во время сна и еды. «Мономания», — сказал про него папа. Одержимость.

Так же смотрел на нее и этот безумец. Будто увидел бесценную крысу.

Он снова потряс дверь, лязгая железными замками, и Эмми прижала ладони к ушам. Если безумец с такой легкостью убил двух стражников-чародеев, то у нее и подавно не было ни единого шанса, хоть Джимми Ли и научил ее драться.

Губы безумца растянулись в улыбке.

— Ты та самая дебютантка, не так ли? Мошенница.

— Я не мошенница! — прорычала Эмми.

— Я видел тебя на балу. Ты заявила, что умеешь создавать золото из... — Он небрежно взмахнул рукой. — Из чего-то.

Его мягкий голос был спокоен и невозмутим, несмотря на мертвые тела на полу.

— Ладно, — вздохнул он, выпрямляясь. — Все равно ты будешь только мешаться.

Заслонка со стуком захлопнулась. Эмми замерла в нерешительности. У безумца не было причин ей помогать. Может, он убьет ее, как только подвернется удобная возможность. Но проклятое слово пустило корни у нее в голове: свобода.

— Стой, — прохрипела она. Сердце выпрыгивало у нее из груди.

Но безумец уже ушел.

Эмми подбежала к заслонке в двери.

— Стой!

Он вернулся чересчур быстро. По осунувшемуся лицу расплывалась улыбка.

«Свобода, свобода, свобода», — чуть было не начала умолять Эмми, опьяненная внезапной надеждой.

— Ключи у нее в нагрудном кармане. — Она указала на безжизненное тело стражницы.

— А что мне за это будет?

Эмми бросила на него сердитый взгляд:

— Ты сам предложил меня освободить.

Он украдкой огляделся и повернулся к ней спиной.

— Я правда умею создавать золото, — крикнула Эмми ему вслед.

Он пожал плечами, удаляясь прочь.

Эмми лихорадочно попыталась придумать хоть что-то, чтобы его остановить.

— Я могу сделать так, чтобы стражник стал похож на тебя. Никто не узнает, что ты сбежал.

Безумец остановился и бросил взгляд через плечо:

— Ты это умеешь?

— Конечно, — легко соврала она и тут же запаниковала. Папа отлично умел трансформировать живые клетки, но он использовал свой талант только для исцеления, а не для изменения чьей-то внешности. Да, он учил Эмми, но она всегда предпочитала преобразовывать неодушевленные предметы, вроде пуговиц или... Да какая разница? Она больше не могла творить магию.

Безумец присел на корточки рядом с телом стражницы и принялся шарить у нее в карманах.

Вытащив кольцо с ключами, он снова приблизился к двери, и Эмми пронзила игла мучительной, предательской надежды. Металл заскрежетал о металл — безумец попытался открыть замок одним из ключей. Ничего не вышло.

«Откройся», — мысленно взмолилась она, когда безумец проверил другой ключ. Дыхание перехватило, сердце замерло в груди.

«Откройся». Лязг еще одного ключа. Если их услышит стража или если безумец решит, что Эмми не стоит таких усилий, она останется гнить здесь до конца своих дней...

По камере разнесся звук щелчка. Дверь со скрипом открылась.

Протиснувшись мимо безумца, Эмми выскочила в коридор, желая оказаться как можно дальше от камеры. Нет, все равно недостаточно далеко. Она ринулась дальше, к лестнице, но безумец схватил ее за мокрый рукав. Можно было бы попытаться вырваться, однако Эмми замерла, пусть ей и не нравилось ощущать прикосновение чужих пальцев к ее исхудавшей руке. Лучше быть покладистой. Пока что.

— Сделай его похожим на меня. — Он бросил беглый взгляд в темный коридор и нахмурился. — Скорее.

Должно быть, паника отразилась у нее на лице, потому что он что-то ей протянул.

Эмми вывернулась из его хватки, попятилась и прижалась к стене, так чтобы видеть и его, и двери вокруг.

— Бери. — Снова окинув взглядом коридор, он показал ей странную монету. — Твою силу заблокировали, да? Это поможет ее освободить.

Магия Эмми не была заблокирована — она пропала. А самую Эмми вот-вот обнаружат в коридоре рядом с двумя мертвыми стражниками.

Безумец, протягивая руку, сделал шаг к ней.

Эмми еще сильнее вжалась в стену, готовая рвануть прочь.

Но он подходил все ближе и ближе. Как и Эмми, он был одет в потрепанный вечерний наряд — смокинг с рванными фалдами, развевавшимися на сквозняке, — но, в отличие от нее, он двигался непринужденно, словно всю жизнь носил шелковый галстук и брюки с иголочки. Несмотря на помятый внешний вид, он излучал уверенность, присущую богачам.

Эмми никого не опасалась больше, чем богачей.

С другой стороны, его самоуверенность может сыграть ей на руку. Он точно будет ее недооценивать. А если их застукают

стражники, то его склонность к быстрым расправам придется весьма кстати.

Дрожащими пальцами Эмми взяла монету с его ладони, обратив внимание, какая теплая у него кожа. Когда она сжала незнакомый металл, воздух вокруг чуть похолодел.

Всегда готовая к очередному разочарованию, Эмми попыталась пробудить свою силу, но ничего не произошло. Ну разумеется. С того самого проклятого бала она ни разу не ощущала призванного магического тумана.

Если безумец это поймет, то и ей свернет шею.

Раздраженно фыркнув, он выхватил у нее монету.

— Отойди.

— Что ты задумал?

Он потер большим пальцем об остальные, и на его ладони вспыхнуло черное пламя.

Эмми ахнула от неожиданности. Он сотворил магию с такой легкостью, намного быстрее, чем папа. И быстрее, чем она сама, а ведь она обошла всех остальных дебютантов на балу на несколько секунд.

Не теряя времени, он затащил тело стражницы в камеру Эмми, а стражника — в свою собственную, металлическая дверь которой оказалась полностью расплавлена. Потом он поднял руки, и на теле стражницы вспыхнуло черно-серое пламя. Языки огня лизали ей лицо, пока от него не осталась лишь обугленная плоть, через которую проглядывали белые кости. С мрачной улыбкой безумец вытянул руки, и черное пламя охватило стены, в которых Эмми томилась два долгих года. Из потолка, каждую трещинку на котором она успела выучить наизусть, с грохотом посыпались осколки камня. Пламя будто явилось прямиком из преисподней — черное, как ночь, и восхитительно разрушительное.

Подавив невольный приступ смеха, Эмми смотрела, как полыхает ее тюремная камера.

Шум наверняка услышал каждый стражник в башне Гримс-бейн.

Выкрикнув что-то, утонувшее в треске пламени и грохоте падающих камней, незнакомец побежал дальше по коридору. Фалды смокинга развевались у него за спиной.

Безумец он или нет, но такая могущественная магия точно поможет ей спастись.

Приподняв рваные юбки, Эмми пустилась за ним следом.

Стражники вот-вот должны были выскочить им наперерез и утащить Эмми обратно в преисподнюю. Неотвратимая поимка в чем-то была даже привлекательнее надежды на освобождение, нависшей над ней подобно лезвию гильотины. Их точно поймают. Вопрос только — когда.

И все же за все восемнадцать лет своей жизни Эмми еще никогда не бегала так быстро.

Она потянулась было к двери, ведущей на лестницу, но тут незнакомец затащил ее в пустую камеру. В Эмми проснулся давний инстинкт, и она впилась в него острым локтем, ударила кулаком так, как учил Джимми. Но безумец крепко ее обхватил и зажал ладонью рот. Какой же душой она была, что доверилась ему хоть на...

Коридор заполнили выкрики стражников, ворвавшихся через дверь, ведущую на лестницу. Эмми замерла. Задержись она в коридоре хоть на секунду — и столкнулась бы с ними лицом к лицу.

Каким образом он их услышал?

Пока стражники обыскивали коридор, Эмми задыхалась под грязной рукой безумца. Но вот топот за дверью стих, хотя дальше по коридору все еще раздавались громкие голоса.

— По моему сигналу, — прошептал он ей на ухо, убрав руку, — беги вниз по лестнице.

— Ты первый. — Она не собиралась становиться наживкой. Его грудь дрогнула, будто он подавил смешок.

— Приготовься.

Он выпустил ее, и Эмми встряхнула руками, собирая всю волю в кулак. Судя по крикам, коридор был битком набит стражниками. Стоит кому-то из них отвернуться от пламени в неподходящий момент, и ее с безумцем схватят. Гильотина разбитых надежд нанесет смертельный удар.

— Давай.

Он выскользнул в коридор, и Эмми выждала две мучительные секунды, убеждаясь, что его не заметили, прежде чем выбежать следом. Снаружи звуки суматохи были намного громче, но Эмми, не бросив на стражников даже беглого взгляда, сразу поспешила к лестнице. И вот они вдвоем уже мчались вниз по ступеням, шлепая грязными пятками по неровной каменной кладке. Эмми колотило от нетерпения, она едва не спотыкалась, описывая один круг за другим по винтовой лестнице.

Незнакомец первым достиг нижнего этажа и схватился было за ручку следующей двери, но в последний момент отшатнулся и потащил Эмми в темный закуток под лестницей. В этот раз она не стала сопротивляться, даже зажатая между ним и каменной стеной.

Дверь распахнулась. Вместе с топотом нескольких пар ног внутрь ворвался порыв воздуха, такого свежего, что у Эмми запершило в горле. Свобода была так близка. До невозможности близка.

Стражники недовольно бубнили под нос, один за другим взбираясь по ступеням. Если бы кто-то из них заметил тени под лестницей или капли на полу, упавшие с мокрого подола Эмми, ей бы никогда не довелось ступить наружу, под бескрайнее небо, манившее ее из-за двери.

Минула целая вечность, прежде чем шаги затихли в отдалении.

— Идем. — Безумец выпустил ее, разгладил истрепанные лацканы и открыл дверь, которую стражники не позаботились запереть. Пока она не захлопнулась снова, Эмми выскользнула на улицу.

Она выбежала в ночь и жадно вдохнула запах еловой хвои, весны и древесного дыма. Воздух был наполнен жизнью. Она сама была полна жизни — в ней пробудилось что-то, до сей поры дремавшее.

Но радоваться было рано. Ее притащили сюда глубокой ночью, и все же она была почти уверена, что башня Гримсбейн скрывается посреди частных зданий на острове Рэндалл, недалеко от обычной тюрьмы. Чтобы сбежать, ей придется незаметно пересечь реку Гарлем.

Незнакомец, пригнувшись, пробежал вдоль обветшалой каменной стены и скрылся в темной рощице. Эмми поспешила следом, каждые несколько секунд оглядываясь через плечо. Сюда почти не проникал свет. Но после двух лет без единого огарка свечи глаза Эмми быстро привыкли к темноте.

— Где-то здесь ждет мой друг на лодке, — прошептал незнакомец. — Нужно только его найти.

У Эмми возник десяток вопросов, и в первую очередь: «Ты случаем не склонен к галлюцинациям?» Но незнакомец уже растворился среди деревьев.

Она могла последовать за ним. В конце концов, ему удалось вывести их из башни и он каким-то образом чувствовал присутствие стражников. Но даже если его и впрямь ждала лодка, ее будет слишком легко обнаружить на залитой лунным светом реке.

Пригибаясь к земле, Эмми направилась мимо деревьев к берегу, стараясь не издать ни звука. Она повернула на север, где река сужалась. На противоположном берегу в ночной тьме

мелькали огни фонарей. Гарлем все это время был совсем рядом. Меньше чем в двухстах метрах.

Весенняя прохлада резко утратила свое очарование, когда Эмми, стащив проклятое бальное платье и спрятав его под корнями плакучей ивы, осталась в одной сорочке. Та совсем не защищала от ветра, но зато в ней Эмми не утонет.

— Ты что-то имеешь против лодок?

Она чуть не упала со скользких прибрежных камней.

Скрестив руки на груди, незнакомец приблизился к ней, напоминая скорее недовольного принца, а не грязного узника. Он был высокого роста — не такого высокого, как Джимми Ли, но с Джимми вообще никто не мог сравниться — и крепкого телосложения, несмотря на худые конечности. Эмми понятия не имела, сколько ему лет — может, тринадцать, а может, и тридцать. Но его пристальный взгляд пронизывал ее до костей. Для человека, освободившего ее по стечению обстоятельств, он слишком уж сильно не хотел выпускать ее из виду.

Он приблизился еще на шаг.

— Я не собираюсь...

Прежде чем он успел ее схватить, Эмми прыгнула в реку.

Боже, как же в ней оказалось холодно — Эмми едва сдержалась, чтобы не выскочить на берег. Вместо этого она зашла глубже, подавив крик, когда ее голые бедра окатила ледяная волна. Вода была какой-то маслянистой из-за отходов, которые в нее выливали, а в теле Эмми не осталось ни грамма жира, который помог бы ей сохранить тепло. Но перед ней стоял выбор: либо река, либо Гримсбейн.

Собрав остатки воли в кулак, она нырнула.

Через силу двигая окоченевшими руками и ногами, она заставила себя поплыть прочь, подальше от чужих глаз. Однако постепенно Эмми замедлилась. Ее легкие горели, ей нестерпимо хотелось повернуть назад. Но останавливаться было нельзя. Ей нужно было чем-то отвлечь себя от холода.

Грейс.

Если Эмми утонет в этой холодной грязной реке, Грейс продолжит думать, что перехитрила ее. Считать себя победительницей.

Когда стражники распоролы платье Эмми прямо на сцене, Грейс изобразила ужас. Когда из подола посыпались куски пирита, она выглядела не менее шокированной, чем сама Эмми. И на какое-то время Эмми ей поверила, так же, как десять лет верила в фальшивую дружбу.

Но когда Эмми скрутили стражники, она в растерянности уставилась на лучшую подругу и увидела, как та встретилась взглядом с другой девушкой. Той, которая сшила им платья. И губы Грейс изогнулись в едва различимой улыбке.

Эмми не раз доводилось видеть эту улыбку. Она всегда означала какую-то проказу. Какой-то секрет.

И теперь Эмми достаточно было вспомнить эту проклятую улыбочку, чтобы поплыть дальше.

Что-то задело ее ногу, и она дернулась с чересчур громким плеском. Но это оказались всего лишь водоросли. В паре метров под тусклым светом луны поблескивали гладкие камни.

Каким-то образом ей удалось доплыть.

Эмми выбралась на грязные камни и рухнула — руки подогнулись. Ветер, обдувавший ее мокрое тело, казался даже холоднее воды, а зубы стучали так сильно, что она боялась их сломать. Она немного согреется, пока будет идти, и заодно решит, где ей спрятаться.

Но у нее не было сил встать.

Что-то заскребло по камням, и Эмми встрепенулась, слабо пытаясь защититься.

Поодаль стоял тот самый незнакомец из Гримсбейна: он вытаскивал на берег небольшую лодку вместе с другим молодым мужчиной. Его... другом.

Эмми попыталась встать, но ноги ее не слушались. Ей пришлось сидя наблюдать, как незнакомец вновь призвал черное пламя и спалил лодку дотла.

Он повернулся, и тут его внимание привлекло что-то дальше по течению.

— Это еще что?

Эмми резко обернулась. Вдали небо озарял странный белый свет. Слишком яркий для газовых фонарей, но слишком бледный для огня, да и дыма видно не было.

— Дуговые фонари. На Бродвее их теперь полно. — Заметив непонимание на лице незнакомца, его друг добавил: — Электрическое освещение. Мне казалось, оно появилось еще до того, как ты, ну, пропал.

Эмми уставилась на небо во все глаза. Электрическое освещение? Что еще она пропустила?

— Дуговые фонари. Ясно. — С растерянным выражением на лице незнакомец уселся на подмерзшую грязную землю и послал в сторону Эмми язык черного пламени.

От жара, одновременно приятного и невыносимого, по ее посиневшему телу пронеслась болезненная дрожь. Эмми оттаивала, не смея пошевелиться — не только потому, что не хотела лишаться тепла, но и потому, что огонь завис в считанных сантиметрах от нее. Она оказалась в ловушке.

— Пламя у всех на виду? — Второй незнакомец взмахнул рукой, указывая на спящий Гарлем. — Не хочешь запустить фейерверк, чтобы уж точно уведомить всех о своем возвращении?

— А рядом кто-то есть?

— Откуда мне знать? Я истратил все силы, отслеживая стражников.

Еще один чародей. Судя по дорогой одежде и тому факту, что он помог другу сбежать из тюрьмы Общества чародеев, он и сам был членом Общества.

У него наверняка было при себе достаточно денег, чтобы оплатить билет на паром. Ей нужно только найти их — и убежать.

Первый незнакомец бросил другу ту самую монету, которая якобы должна была разблокировать магию Эмми. Черное пламя погасло, и ее тут же охватил холод.

Его друг ахнул и попятился:

— Не нужна мне эта проклятая штуковина!

— Просто послушай, есть ли кто-то поблизости. Если нет, мы подождем, пока она не сможет идти.

— Она никуда с нами не пойдет.

— «Она» вас прекрасно слышит, знаете ли. — Проклятье, ее надорванный голос предательски дрогнул. Но Эмми все-таки устремила на второго незнакомца сердитый взгляд. Светлые волосы с аккуратным пробором. Чистые подстриженные ногти. Если дело дойдет до драки, этого парня будет куда легче свалить с ног, чем того, кто убил стражников. Достаточно ударить ногой в нужное место. А если ей удастся выбить кошелек из кармана его плаща...

— Сразу видно настоящую леди, — вздохнул второй незнакомец, подобрав из грязи загадочную монету. — Уже строит планы, как ударит меня между ног и ограбит.

У Эмми отвисла челюсть.

— Как ты...

— Калев владеет даром телепатии, — пояснил первый незнакомец. — Он может читать чужие мысли и передавать свои. Благодаря ему я знал о перемещениях стражи.

— Джек Хенрик Фонтейн, да как ты смеешь! — Калев яростно уставился на него.

Фонтейн. Так назвала его стражница за мгновение до смерти. Кажется, Эмми и раньше слышала это имя, только никак не могла припомнить где. Впрочем, это не имело значения. Она плани-

рвала убраться как можно дальше от тюрьмы и от Общества чародеев.

Но где ей спрятаться? В старой квартире на Бакстер-стрит ее сразу же найдут. Безопаснее было бы уехать из города, но вдруг стражники начнут обыскивать паромы? К тому же у нее не было денег на билет. Но она не могла и дальше оставаться с двумя предполагаемыми членами треклятого Общества, особенно с тем, что паялился на нее как на любимую крысу.

Она вскочила и метнулась к деревьям, но первый незнакомец — Джек, как выяснилось, — поспешил за ней:

— Ты куда?

— Домой. — Ложь тараном ударила ее в грудь. «Тело не умеет различать физическую боль и душевную, — говорил ей когда-то папа. — Болевые рецепторы срабатывают одни и те же».

У Эмми больше не было дома. Не было ни семьи, ни друзей. Ничего.

Телепат поежился. Все еще рылся у нее в голове, чтоб его.

— Если тебя заметят, на нас обоих начнется охота. — Джек догнал ее среди деревьев. — Пойдем с нами. Наш друг ждет с каретой.

— «Наш» друг, — пробурчал Калек. — Этот нечародейский ублюдок мне не друг.

Нечародейский? Они что, нарушили главный магический завет — секретность?

За деревьями выстроилась череда домов, в окнах которых, по счастью, не горел свет. На пустынной улице виднелись одна-единственная карета и силуэт широкоплечего кучера. Крупные лошади наверняка с легкостью унесли бы Эмми подальше отсюда. Но она никому не могла довериться, ни на секунду.

Нет, дальше она пойдет одна.

— Как знаешь. — Джек усмехнулся и подбежал к карете, махая кучеру. Тот с радостным возгласом прыгнул с облучка.

Двое друзей Джека Фонтейна. Двое людей, готовых рискнуть жизнью, чтобы помочь ему сбежать.

Когда-то Эмми мечтала о такой нерушимой дружбе. О компании ровесниц из ее района, о брате или сестре. Когда в их дом переехала Грейс, Эмми решила, что Бог услышал ее молитвы. Девочка шести лет, совсем как Эмми, да еще и с магическим даром. Они стали ближе, чем сестры, все так говорили.

Но самые близкие друзья наносят самые глубокие раны.

— Эмми? Черт возьми, это ты!

Сердце замерло у нее в груди. Не может быть.

Кучер направился к ней, и Эмми потеряла глаза. Наверное, ей мерещилось.

С до боли знакомой улыбкой Джимми Ли заключил ее в объятия.